

Данильченко Сергей Леонидович

д-р ист. наук, профессор, советник директора
Филиал ФГБОУ ВО «Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова» в г. Севастополе
г. Севастополь

РОССИЙСКАЯ МНОГОНАЦИОНАЛЬНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПРИЗНАК РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ, ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И КУЛЬТУРЫ

Аннотация: российская многонациональная цивилизация является исторически сложившимся сообществом народов с объективно присущими ему этноинтегрирующими факторами и конфликтогенными противоречиями. По мнению автора, Россия – самостоятельная локальная цивилизация, равноправная и равноценная по отношению к другим общепризнанным цивилизациям. Единственное ее радикальное отличие – поликонфессиональность, традиционное сосуществование христианства и ислама.

Ключевые слова: поликонфессиональность, российская многонациональная цивилизация, самостоятельная локальная цивилизация, историческое сообщество народов, мозаика цивилизационных блоков, этноинтегрирующие факторы, конфликтогенные противоречия.

Развал Советского Союза обострил непрекращающийся спор об историческом пути нашей Родины между сторонниками ориентации на западные стандарты, с одной стороны, и приверженцами особой, российской модели развития – с другой. В XIX веке подобные позиции наиболее четко формулировались так называемыми западниками и славянофилами, а в наше время – представителями радикально-демократических и лево-патриотических сил. Сторонники обоих подходов ориентируются на образцы, идеальные конструкции, которыми должна следовать или к которым должна стремиться Россия. Первые видят такой идеал в современном постиндустриальном обществе Западной Европы, США и Японии, вторые – в утраченном прошлом Российской Империи и Со-

ветского Союза. Многие рассуждения об истории России зачастую выносятся политиками и публицистами на основе интуиции, пристрастной сортировки фактов, замалчивания явлений, противоречащих отстаиваемой точки зрения. За последнее десятилетие в массовом сознании сформировалось несколько стереотипов. К таковым относится тезис о России как особой, уникальной и самодостаточной цивилизации. Действительно, ряд важных институциональных признаков российской истории, государственности и культуры остается пока вне научного анализа, в частности такой принципиальный фактор развития нашей страны, как ее многонациональность. При численном и функциональном доминировании русского народа вклад прочих этносов в развитие России представляется достаточно значимым и заметным, но специальных исследований на эту тему не проводилось. Обращаясь к проблеме российской цивилизации необходимо учитывать уже имеющийся в социально-гуманитарных науках теоретический фундамент общей теории цивилизации. С тех пор как во второй половине XVIII века французская философская мысль ввела в научный оборот термин «цивилизация», сформировалось три основных подхода к его толкованию [1, с. 6]. Во-первых, под цивилизацией понимают цель развития человечества, установление гармонии в обществе, во-вторых, в ней видят определенную стадию исторического развития. В XIX веке считали, что она следует за варварством. Сейчас ее чаще трактуют как исторический этап, на котором социальные связи начинают доминировать над природными, общество развивается и функционирует на своей собственной основе, наступает завершение антропогенеза, т. е. человек окончательно формируется как биологический вид [2, с. 167]. В-третьих, иногда цивилизация выступает как синоним культуры, как совокупность всех материальных и духовных достижений человечества. Из отечественных ученых такой точки зрения придерживался академик РАН Н.Н. Моисеев, для которого цивилизация представляет собой «всю совокупность особенностей его активной деятельности, его духовного мира, его взаимоотношений с природой и другими людьми» [3, с. 96]. Некоторые авторы видят в цивилизации социальную форму функционирования культуры, самый широкий уровень

культурной идентичности людей, культурную общность наивысшего ранга [4, с. 13], а иногда сводят цивилизацию к форме существования или этапу развития культуры [5, с. 163]. В названных выше значениях «цивилизация» выступает только в единственном числе. Наконец, цивилизацией называют качественно различающиеся культурно-исторические образования или цивилизации во множественном числе. Именно в этом значении она и составляет объект научного анализа. Разнообразен и смысл, который в разные эпохи вкладывали в понятие цивилизации [6, с. 19–25]. В ней видели все общество в целом, исключительно городское общество, современный тип общественного устройства, характерный для высокоразвитых западных стран как рационально организованный гуманистический социум, обеспечивающий основные права личности. Ее трактовали также как результат человеческой деятельности в материально-технологической сфере и качественную специфику исторически заметных обществ прошлого и настоящего. Наиболее устойчивое применение получила интерпретация рассматриваемого явления в качестве социокультурной общности, формируемой на основе универсальных ценностей – мировых религий, систем права, морали, искусства. Как раз в рамках этого подхода сформировалась теория цивилизаций, получившая законченный вид в трудах Н.Я. Данилевского в России [7] и А. Тойнби на Западе [8]. Общепризнанного определения понятия цивилизации наукой не выработано. По словам Г.Г. Дилигенского, пока это «скорее некий интуитивный образ, чем логически выверенная категория» [9, с. 238]. На сегодняшний день насчитывается более сотни дефиниций данного «интуитивного образа» [10, с. 28]. Они располагаются в диапазоне от описательных эмоциональных формулировок и простого перечисления признаков до четкого очерчивания пространственно-временных пределов функционирования изучаемого явления в истории, его существенных характеристик – высокая степень развития человека, культуры и общественных отношений; ансамбль важных проявлений человечества в прошлом и настоящем; способ борьбы общества с препятствиями, вызовами природы; крупные культурные системы в безграничном «океане» социокультурных явлений [11, с. 8]. При

разнообразии научной терминологии цивилизация как чрезвычайно сложная система (совокупность компонентов), предусматривает связь с населением пространством (природой), предполагает осознание принадлежности к данной цивилизационной общности (при противопоставлении другим общностям), отличается сходством базовых черт в социально-политической организации, экономике, культуре, образе жизни, идейных установках (религии), психологии и ментальности людей (радикальным отличием от аналогичных явлений в других цивилизациях) [12, с. 19].

Цивилизация – это локальная социокультурная система, порожденная конкретными условиями деятельности и мировоззрением людей, населяющих данный регион и специфическим образом взаимодействующих между собой. Подобный подход может быть оправдан при рассмотрении различных сторон функционирования цивилизации. Первоначальное отождествление культуры и цивилизации в европейской общественной мысли со временем уступило место пониманию, что эти понятия не совпадают. И. Кант одним из первых разделил их, отнеся к культуре духовную сферу, к цивилизации – внешний, «технический» облик культуры [13, с. 11]. Такое разграничение весьма условно, и данный вопрос до сих пор остается дискуссионным. Теория цивилизации приобрела системный облик лишь в XX веке в трудах французской школы Анналов, в работах О. Шпенглера, пропагандировавшего идею о цивилизации как о заключительной стадии развития любой культуры, в исследованиях К. Ясперса, полагавшего, что зрелость цивилизации связана с появлением в ней рефлексивного мышления. Наиболее законченный вид концепция цивилизационного развития человечества получила в многотомном «Постижении истории» А. Тойнби. Этому выдающемуся английскому исследователю принадлежит заслуга создания науки о сравнении цивилизаций. Проанализировав основные вехи истории разных стран и народов, он пришел к заключению, что с древнейших времен до современности можно выделить двадцать одну цивилизацию. Все они отличаются друг от друга географическим положением и религиозными воззрениями и представляют собой особые общественные системы, сменяющие стадию при-

митивного общества. Позднее Тойнби решил, что, помимо примитивного общества и цивилизации, следует рассматривать и мировые религии как третий вид общественной системы. В современном мире, по его мнению, функционируют восемь цивилизаций – западная, конфуцианская, японская, исламская, индуистская, славяно-православная, латиноамериканская, африканская. После выхода в свет «Постижения истории» Тойнби стал признанным патриархом мировой науки о цивилизациях. Его концепция стала фундаментом для дальнейшего ее развития. Современные исследователи, используя разнообразные критерии, выделяют в мировой истории от тринадцати до ста пятидесяти и более цивилизаций [14, с. 14]. В последние десятилетия большим авторитетом пользовался американский социолог С. Хантингтон, который выдвинул теорию о том, что с окончанием «холодной войны» закончилась эпоха всемирного доминирования Запада, и на первый план выходит взаимодействие между Западом и Востоком. Грядущее столкновение цивилизаций, прежде всего западной и исламской, станет определяющим фактором мировой политики и будущих глобальных конфликтов. При этом Хантингтон полагал, что в качестве основных границ, разделяющих человечество, выступают теперь не идеология и экономика, как в прошлые времена, а культура [15, с. 34]. Хотя политики и политологи часто и с удовольствием ссылаются на выводы Хантингтона, в среде историков, философов и социологов его концепция была воспринята критически за чрезмерный схематизм и недостаточный учет многих существенных факторов мирового развития.

Вклад дореволюционной российской общественной мысли в обсуждаемые проблемы представлен трудами Н.Я. Данилевского, предвосхитившего исследования Тойнби. Данилевский выделил в истории двенадцать «культурно-исторических типов» равнозначных цивилизациям, из которых десять располагались в Старом Свете и два в Новом. Среди этих двенадцати типов Россия не упоминается, Данилевский выделяет славянский «культурно-исторический тип» [7, с. 398]. Внимание к теории цивилизации в русской гуманитарной науке не было пристальным. Великий историк В.О. Ключевский не заострял внима-

ния на этом феномене, понимая его как обыденные и самоочевидные «условия и успехи человеческого общежития, или жизнь человечества в ее развитии и результатах» [16]. В современной отечественной науке «цивилизационные» исследования базируются на западных теориях, хотя авторы и пытаются критиковать их за отсутствие целостного подхода, абсолютизацию отдельных признаков [17, с. 9]. Это не означает изначальной вторичности отечественных разработок по отношению к европейским и американским исследованиям. С.Я. Суций и А.Г. Дружинин сформулировали оригинальную концепцию геоэтнокультурных систем (ГЭКС), развивающую учение Данилевского о культурно-исторических типах. ГЭКС представляют собой не просто исторически сложившиеся общности людей, объединенных особенностями культуры, психики, сознанием своего единства, но также территориальные (географические) целостности, формируемые взаимодействием этнических общностей, ландшафтов и общественных систем. Цивилизация как явление изучается в современной России очень активно потому, что в методологии общественных наук цивилизационная парадигма исторического процесса во многом фактически заменила прежний формационный подход. Этим объясняются и характерные особенности российских изысканий в данной области, когда категория «цивилизация» выступает в качестве методологического принципа, идеи, иногда фетишизированной, а не конкретной структуры, вследствие чего «цивилизационные» разработки превращаются в самоцель. В то же время на Западе – это лишь объект и инструмент научного познания, один из показателей многообразия мира. Причиной такого различия служит цель исследований – на Западе цивилизационный подход изначально вырабатывался для того, чтобы понять другие, западные общества, а у нас – чтобы понять самих себя, поэтому предпринимаются многочисленные попытки синтезировать особую отрасль науки или научную дисциплину, занимающуюся этой проблемой [18].

Развитие цивилизаций постигается как во всей их совокупности, так и с точки зрения их внутренней диалектики. Общеизвестными факторами, определяющими специфику любой из них, стали названные Тойнби ориентация на

творческие личности, специфика социальной организации и культуры, общие черты «ответов» на «вызовы» внешней среды. При этом такие сложные системы, естественно, обладают определенными историческими, хронологическими параметрами, т. е. переживают последовательные этапы развития. Пионером в данном вопросе также выступил Тойнби. По его мнению, любая цивилизация переживает четыре этапа развития – зарождение (genesis), рост (growth), упадок (breakdown), распад (disintegration). Упадок (кризис, надлом) обычно связан с милитаризмом данной цивилизации, войнами и сопутствующим истощением ресурсов, после чего следует поработание со стороны более сильного соседа. С некоторыми модификациями эта схема утвердилась повсеместно. Несколько более разветвленная схема исторических фаз предложена К. Квигли (США) – зарождение в результате смешения различных культур, созревание, территориальное распределение, эпоха конфликтов как внутренних социальных, так и внешних войн, стадия универсальных империй, упадок, вражеское нашествие и завоевание данной цивилизации, утратившей силы для самозащиты [6, с. 201–205]. В российской литературе сложилась схема с вариациями – зарождение, становление или рост, расцвет или зрелость, стабильность, стагнация, иногда с последующим «одряхлением», кризис или надлом. Кризис – это качественный скачок в развитии, который может вылиться или в распад и исчезновение цивилизации, превращение ее в реликт, или в трансформацию ее в цивилизацию следующего поколения – с новым культурным ядром, сменой религии. Причем на этапах становления и расцвета возможны периоды подъема и упадка. Понятие надлома заимствовано из трудов Л.Н. Гумилева, который определил в развитии этноса приблизительно сходные стадии [19, с. 52]. Эта схема аналогична концепции Тойнби. Смена перечисленных стадий объясняется внутренними и внешними факторами, а также особенностями самой «конструкции» цивилизаций. При этом разные авторы пытаются определить фундаментальную характеристику, которая определяла бы своеобразие и закономерности развития цивилизации. Для М. Вебера это была религия, для Тойнби – религия и параметры технологического развития, для Л. Уайта – гармоничность сочетания техники как ве-

дущего компонента, социальной организации и философии. Все исследователи связывают цивилизацию с социальной организацией, культурой и вокруг этих двух элементов «наращивают» прочие признаки. Вслед за Тойнби историки выделяют приметы цивилизации, отделяющие ее от первобытной культуры – классовое общество, государство, города, монументальное строительство, высокоразвитое искусство, письменность, сравнительно развитая религия и идеология. В названных пунктах заметен подход к цивилизации как к ступени общеисторического развития, следующий за варварством [20, с. 64].

Это лишь внешние признаки, заметные при внешнем наблюдении. Гораздо более существенной является задача познания законов развития цивилизации. Происходит постоянное внутреннее взаимодействие различных конкурирующих организационных форм цивилизации и ее составляющих – пространственных (среда, ландшафт), временных (историческое бытие, культура в широком смысле, язык) и социально-психологических. Но она до поры до времени устойчива, поскольку обладает консервативным ядром. Как правило, в его роли выступают определяющие особенности доминирующего этноса. В целом же цивилизация основывается на всеобъемлющей социокультурной связи составляющих ее личностей и групп, которые создают гигантскую сеть взаимных отношений. Н.Я. Данилевский одним из первых сформулировал направления деятельности, составляющие своеобразие цивилизации – это деятельность религиозная, культурная – теоретическая или научная, эстетическая или художественная, техническая или промышленная, политическая, общественно-экономическая [7, с. 400]. Всеобщность, универсальность – одна из важнейших черт цивилизации. Она выражается в духовных формах – идеях, учениях, символике, ритуалах, структурных принципах организации общества и деятельности его институтов и элит. В результате появляется принципиальная возможность для общего социального, политического и экономического развития, переплетения культур, складывания общих личностных черт и мировоззрения. Развитие зависит от всевозможных аспектов жизнедеятельности человека – социальных, экономических, духовных, экологических, демографических. Посте-

пенно выясняются факторы, определяющие облик конкретной цивилизации. Типичен следующий ряд таких факторов – географическая (природная) среда обитания, система ведения хозяйства, социальная организация, религия, духовные ценности, политическая индивидуальность [6, с. 30]. Целесообразно расшифровывать социальную составляющую как совокупность экономических отношений, основанную на разделении труда, контроль правящего класса над средствами производства и перераспределением прибавочного продукта, сеть обмена, контролируемую профессиональным купечеством или государством, политическую структуру. От этих признаков следует отличать черты цивилизации западного демократического общества. Такие черты утвердились в общественном сознании к началу XX века, а именно, государственные гарантии основных прав – жизни, собственности, передвижения; функционирование государства в виде организационной политической бюрократии; подчинение государства общепризнанному международному праву; постоянный дипломатический обмен и международные связи с другими государствами; признание «нецивилизационными» и неприемлемыми таких явлений, как полигамия, рабство. В данном случае под понятие «социальных» подведены также явления чисто экономического и политико-структурного плана. Перечисленные факторы, признаки и компоненты делятся на основные и неосновные, специфические и неспецифические, гуманистические, культурные, общественные, а в некоторых работах еще и выстраиваются в графические схемы. Но в целом исследователи оперируют перечисленным набором позиций. Отечественными авторами еще недостаточно привлекается к анализу концепция связи центра и периферии, разработанная в западной социологии Э. Шилзом и Ш. Эйзенштадтом. Эта связь в разных проявлениях присуща каждой цивилизации. Центр и периферия – сами по себе сложные явления, поэтому расширение объекта анализа в данном направлении могло бы послужить более четкому уяснению особенностей исторического пути России.

Названные выше характеристики цивилизации описывают системы и структуры сугубо объективного, «внечеловеческого» плана, но жизнь общества

немыслима без идей, чувств, настроений и отношений людей. Среди мыслительных конструкций, определяющих облик цивилизации, многие авторы считают главными религиозные воззрения, но следует учитывать существование и нерелигиозных воззрений. Это облеченные в форму традиций устойчивые ценности, некие общепризнанные идеалы, которые присущи обществу. Э. Калло считает их глубинным механизмом цивилизации, присутствующим при всех ее изменениях [6, с. 83]. Наконец, определяющей чертой, позволяющей определить принадлежность к той или иной цивилизации, может выступать язык. Н.Я. Данилевский поставил его на первое место в списке признаков культурно-исторического типа, следом названы характер внешнего поведения (пища, жилище, одежда), обычаи жизненного цикла, идеологические системы. Все эти явления проявляются в мировоззрении, ментальности людей, в их отношении друг к другу и к окружающему миру. У членов одной цивилизации постепенно вырабатывается общая, идентичная оценка действительности, характерная именно для данного типа культуры. Кроме того, возникает оппозиция, противопоставление, не обязательно недоброжелательное, «нас (своих)» – «им (чужим)». Г. Мишо и Э. Марк обозначили эти явления соответственно как «коллективную личность» и «коллективную идентичность» [21, с. 22]. На протяжении последних трех тысячелетий в ходе контактов народов происходило постоянное взаимодействие и столкновение таких «коллективных личностей». Проблема взаимодействия и контакта составляет важную часть науки о цивилизации. Определение этого явления сформулировал Г.А. Менджерицкий. Он считал, что межцивилизационное взаимодействие есть «взаимодействие между цивилизационными общностями в целях реализации, распространения и защиты своего цивилизационного интереса», который представляет собой «вычленение наиболее значимых для общности культурных условий в их социальном проявлении – языка, религии, искусства, социального строя, экономических и политических условий» [24, с. 13–14]. Истории известны как «открытые», так и «закрытые» для контактов общества. В древности очаги «высокой» цивилизации были весьма немногочисленны и взаимоудалены, отчего контакты между ними

оказывались затрудненными, в основном налаживались связи с «примитивным» по Тойнби, т. е. первобытным окружением. Со временем увеличивалось количество цивилизаций, нарастала их внутренняя сложность, равно как и их взаимосвязь, конкуренция между ними и обогащение друг друга. Именно в диалоге каждый из участников контакта обретает свою идентичность, поскольку происходит сопоставление «чужих» и «своих» ценностей, а из последних стихийно вычленяются наиболее фундаментальные, принципиальные для данной цивилизации [22, с. 251]. Колониальное освоение европейскими державами стран Азии и Африки в XVIII – начале XX века является показательным примером подобных контактов. Сочетание местных социальных и культурных устоев с привнесенными извне породило сложный синтез, новые цивилизационные системы, которые в разной мере использовали «туземный» базис и по-разному рассматривали его практическую ценность [23, с. 62, 63]. Данные вопросы с особой тщательностью изучают исследователи из бывших метрополий, как носители колониального опыта, и их, зависимых в прошлом владений, как его жертвы [24–26]. Изучение межкультурного взаимодействия является одной из форм осмысления этого опыта, поскольку во многих странах политики и ученые спорят о целесообразности заимствований и о сохранении национальных основ социума и культуры в первоначальной чистоте, напоминая наших западников и славянофилов, радикальных реформаторов и почвенников.

Случается, что цивилизация обладает настолько мощным собственным фундаментом, что способна «переваривать» заимствованные явления без ущерба для своей самобытности и идентичности. А. Тойнби видел пример такого явления в сохранении Россией своей самобытности в условиях, когда необходимо реформировать ее внутреннюю жизнь [8, с. 106–109]. Более того, влияние Запада в России сочеталось с влиянием Востока на протяжении всей российской истории, и впитывание инокультурных феноменов служило одной из определяющих черт российской цивилизации с ее надэтнической «евразийской» идентичностью. Подобная устойчивость присуща не только России. Ученые британской школы социальной антропологии заметили, что любая цивилизация есть само-

довлеющая система и допускает в свое лоно заимствования лишь на уровне институтов, а не сущностных устоев [27]. Механизм контакта действует на разных уровнях – личностном, групповом, этническом, межэтническом, региональном, глобальном, в разных направлениях – экономическом, военно-политическом, культурном, экологическом, как общность интересов во взаимодействии с природой, социально-демографическом. Этот механизм осуществляется различными субъектами, как отдельными людьми, так и целыми группами – семьей, племенем, нацией, классом, государственными и гражданскими институтами, а также через духовную организацию общества – искусство, науку, религию, образование [28, с. 7]. Конкретные же виды и формы взаимодействия цивилизаций сводятся к аккультурации, выработке стереотипов и практической деятельности, которая может осуществляться через заимствования, соперничество с экономической или политической мотивацией (стремление «догнать и перегнать»), наконец, путем прямого завоевания. Английские социологи выработали теорию «инструментально-адаптивного подхода», описывающую динамику и механизм межкультурного общения, различные его фазы [28, с. 15]. На первом этапе (так называемый медовый месяц) представители культуры-рецептора испытывают прилив оптимизма, подъем настроения от знакомства с новой культурой; на втором («культурный шок») – крушение надежд, депрессию, смятение, враждебность, вызванные неприспособленностью к новой культуре, неприятием их новой культурной средой; на третьем этапе наступает реалистическая оценка ситуации, приходит адекватное понимание чужой культуры. Несмотря на то, что перечисленные особенности были выведены из наблюдений над иноэтничными иммигрантами в западных странах, эта диалектика адаптации людей к компонентам другой, «не своей» цивилизации, просматривается при контакте целых социокультурных систем. В качестве примера можно сравнить американизацию российской культуры в наше время и отношение к этому явлению представителей различных общественных слоев и политических сил. Часто контакт цивилизаций принимает конфликтные формы, а иногда выливается в прямое столкновение. Хотя борьба и соперничество пронизывают всю

историю человечества, именно столкновение цивилизаций имело радикальные последствия для его судеб. С. Хантингтон предрекал подобную коллизию, поскольку современный мир становится все более тесным, традиционные идентификации людей – привязка к месту жительства, этносу, государству уступают место более глобальным, в частности, религиозным, а огромные массы людей проникаются антизападными настроениями. В этих условиях все большую ценность приобретают культурные особенности и различия, менее подверженные изменениям, чем экономические и политические институты. Такие различия питают и религиозный фундаментализм – один из главных стимулов уже начавшихся и грядущих конфликтов [15, с. 35, 36]. Результаты аналогичных конфликтов известны из прошлого. Это может быть уничтожение старой цивилизации, за которым следуют или поглощение ее цивилизацией-победительницей, иногда с истреблением побежденного населения, или образование новой, синтетической цивилизации. В последнем случае возможно сосуществование на одной территории нескольких цивилизаций как предпосылка будущего синтеза. Наконец, вероятен распад цивилизации на локальные компоненты, в том числе на локальные цивилизационные системы и реликты прежних, угасших в прошлом цивилизаций, получающих шанс на возрождение.

Классификация цивилизаций в литературе обширна. Отнесение к тому или иному типу зависит от множества качественных признаков. Кстати, тип развития тоже нередко служит основой для классификации. Обычно выделяют цивилизации непрогрессивного типа развития, т. е. не имеющие достаточных механизмов для обеспечения своего будущего – аборигенные общества Австралии, Америки, Северной Евразии циклического, или восточного типа; прогрессивного типа – западная цивилизация от античных Греций и Рима до наших дней; иногда картину упрощают, сводя схему лишь к западной и восточной цивилизации, не считая таковой примитивные общества подобно Тойнби. Речь идет именно о группах сходных цивилизаций, а не о попытках составления их перечня – как 21 цивилизация у Тойнби, 8 – у Шпенглера, 10 цивилизаций у Данилевского. Среди таких групп выделяются следующие, различающиеся по

формационным признакам – большая феодальная и капиталистическая. Методологический кризис 1990-х годов в российских гуманитарных науках проявлялся в причудливых мыслительных конструкциях, содержащих элементы «старого» и «нового» научного мышления. Так, некоторые ученые высказывали мысль, будто на территории нашей страны последовательно сменялись цивилизации неолитическая, феодальная и индустриальная. Как видим, странным образом оказались объединены категории – археологическая (неолит), формационная (феодализм) и цивилизационная (индустриальная цивилизация). Некоторые исследователи разбили историю России на несколько цивилизационных циклов, разделенных между собой катастрофами: а) по экономико-технологическому принципу – аграрная (античная), индустриальная, постиндустриальная или традиционная и техногенная; б) по условиям возникновения – первичные и вторичные, или основные и периферийные, или аборигенные, трансплантированные (перенесенные) и амальгамные (смешанные); в) по регионально-ландшафтному признаку – цивилизации речных долин, морских берегов, нагорий и плато, степей, пустынь; г) по способам взаимодействия с окружающей средой – эволюционные, воздействующие на среду как на внешнюю силу, и адаптационные, стремящиеся вжиться в среду; д) по этнокультурным особенностям; е) по месту в системе мировой цивилизации – очаговые, региональные, периферийные или ассоциированные, имеющие более мощные цивилизации в качестве своих культурных центров, межрегиональные, приверженные мировым религиям или заменяющим их мировоззрениям; ж) по стадиям жизненного цикла – формирующиеся, зрелые, остановившиеся в развитии, перерождающиеся, реликтовые, исчезнувшие; з) по масштабам распространения – на одно государство, регион, несколько регионов, весь мир [29, с. 83]. Одна и та же цивилизация может быть охарактеризована с самых разных сторон и в самых различных ракурсах. Почти все авторы выискивают в истории примеры для иллюстрации своих схем и оперируют в своих построениях конкретными историческими ситуациями. Но, обращаясь к развитию какой-то отдельной этнической или политической общности (государство), исследователь поневоле

ограничивается локальными, региональными и хронологическими рамками. На планете существовали десятки именно таких локальных цивилизаций. Этот тезис особенно важен, так как он предопределяет проблему изучения цивилизационных особенностей России.

Понятие локальной цивилизации наиболее близко к «культурно-историческим типам» Данилевского [30, с. 4]. Чаще упоминаются и анализируются такие локальные цивилизации, как западная (европейская), исламская (мусульманская). В российской литературе обозначены славянская и близкие к ней по значению – славяно-православная, русско-славянская, русская и т. п. Обществоведы-марксисты пытались также выделить, пользуясь формационным подходом, коммунистическую или советскую цивилизацию, противостоящую буржуазной и нескольким «докоммунистическим» [31]. Локальной цивилизацией считается страна, группа стран или народов: ограниченная определенным регионом – общность территории, связанная длительным существованием в рамках одной или близких политических систем, участием в одних и тех же политических событиях – войнах, миграциях – общность исторической судьбы, обладающая единством культурного наследия – общность духовного мира, исповедующая единую религию – общность мировоззрения. Таким образом, локальная цивилизация – это сообщество национального или чаще наднационального уровня, которое существенно отличается от других сообществ направлением социокультурного развития, идеалами, мировоззрением. Каждое из таких сообществ обладает своеобразным историческим ядром в лице народа, наиболее ярко воплощающего черты данной цивилизации. Периферия последней изменчива. Она может разрастаться и уменьшаться в зависимости от обстоятельств – войн, эпидемий. Члены сообщества осознают свою принадлежность к нему, т. е. цивилизационно самоидентифицируются, иногда с помощью противопоставления иным сообществам – локальным цивилизациям. В современной научной литературе существуют различные мнения о сущности российской цивилизации, об определении специфических черт России как цивилизационного организма, о правомерности учета фактора многонациональности при изу-

чении российской цивилизации. Основные точки зрения на принадлежность нашей страны к той или иной цивилизации сводятся к следующим позициям [32, с. 10]. Россия «застряла» между собственными традиционными ценностями и либеральной цивилизацией Запада, отчего представляет собой промежуточное по направлению и уровню развития общество. Россия представляет собой цивилизацию восточного типа. Особая российская цивилизация есть отжившее, ортодоксальное историческое явление или вообще миф. Россия – носительница высшей духовности, мировой духовный лидер с самобытной, уникальной цивилизацией. В западной историографии утвердился подход к рассматриваемому вопросу в русле концепции локальных цивилизаций. Исторический анализ сквозь призму данной концепции вполне корректен с научной точки зрения [33, с. 562], так как позволяет не только изучать особенности развития России, но и определять ее место среди других аналогичных систем. Трудно согласиться с утверждением некоторых политиков и публицистов о том, что развитие нашей страны представляло собой механическую комбинацию элементов других локальных цивилизаций без формирования собственной. Основные параметры российской цивилизации сводятся к следующим позициям – промежуточное положение между Востоком и Западом, что обуславливает сочетание в цивилизации восточных и западных, а также византийских параметров; цивилизация состоит из русского ядра – Руси, вокруг которого накапливаются элементы западно-христианской, мусульманской и буддийской цивилизаций; периодические цивилизационные рывки в сторону Запада, как правило, имеются в виду реформы Петра I и Октябрьская революция 1917 года; огромное евразийское пространство – малозаселенное на востоке, без естественных сухопутных границ как причина и фактор бурной военной и политической истории России, как формулировал Тойнби, двойной «вызов» – со стороны Запада и Степи; установление авторитарного государства; нередкое пренебрежение юридическими регламентациями, отсутствие фетишизации закона, по словам Н.А. Бердяева, Россия – самая государственная и самая безгосударственная страна в мире; поликонфессиональность; полиэтничность. При всех различиях

в подходах многие исследователи едины в признании чрезвычайной устойчивости основных цивилизационных особенностей России. Такая устойчивость интерпретируется как традиционность, приверженность установленным жизненным стереотипам, а российская цивилизация относится к числу по преимуществу традиционных – в противовес либеральным. Хранителем цивилизационных традиций выступало, прежде всего, крестьянство [33, с. 567], а их нарушителями, инициаторами инноваций – политические и интеллектуальные элиты. Определенному консерватизму способствовало сочетание некоторых специфических признаков, которые находились в противоречивом взаимодействии друг с другом [34, с. 255]. Специфика развития России видится в следующем. Во-первых, в значительной, доминирующей роли государства как централизованной структуры, организующей социум, выстраивающий его в иерархическую систему, подчиненную целям социального и политического регулирования всей жизни населения. Во-вторых, в синтетической, многослойной культуре, включая религиозную сферу, как комбинации традиций и новаций, восточных и западных заимствований [35, с. 78–79], а также совокупности нравственных норм и ценностей, не одинаковых для разных общественных страт и народов страны. В-третьих, в доминирующей роли русского народа во всех сферах жизни, несмотря на полиэтничность населения. Рассмотрение цивилизации как сложной структуры позволяет предположить наличие в ней некоего ядра, центра притяжения инокультурных элементов и источника стабильности культурно- исторической системы. В России таким ядром являются русские государственность и культура. Многие авторы специально выделяют русско-славянскую или русскую цивилизацию, придавая ей не свойственный научной терминологии экстатический антураж – цивилизация «Святой Руси», «Невидимого града Китежа». Попытки ее анализа предпринимались неоднократно. Ассоциация по изучению русской нации организовала еще в 1993 году конференцию «Русская цивилизация и соборность». Политический кризис на Балканах в 1990-х годах обострил внимание к теме славянского братства и особенно русско-сербской солидарности. В то время активно пропагандировалась концепция цивилизационного

единства православных славян. В сочинениях авторов лево-патриотического толка подчеркивалось духовное единство славяно-православного мира, а Сербия изображалась как форпост нашей цивилизации. Таким образом, академическая теория превратилась в фактор политической жизни. За последние годы авторы определились со специфическими чертами русской, или русско-славянской цивилизации [12; 36; 37] – кровное родство составляющих ее народов и близость их языков; геополитическое положение между Востоком и Западом; единение с природой; соборность и «соборные черты славянской ментальности»; общинное устройство жизни, народовластие, православие, веротерпимость; общее культурное наследие. Кроме того, ее отличия склонны видеть в нестяжательстве, трудолюбии, добролюбии, высокой духовности и прочих идеальных конструкциях. Но в самом названии вышеуказанной цивилизации заложены трудно стыкующиеся компоненты – цивилизация славянская, но не охватывает неправославных славян – поляков, хорватов и др., православная, но не охватывает неславянские православные народы – греков, румын, чувашей и др. [38]. Целью разработки данной концепции являлось изучение законов историко-культурного развития русского «народа-богоносца». На фоне этой идеологической задачи нелогичность предложенной цивилизационной конструкции не имела решающего значения. В данном случае исследователь сталкивается с известным в национальных историографиях явлением – самолюбованием носителей «высшей» цивилизации, которых М. Лахбаби справедливо назвал «нарцисствующими цивилизаторами» [39]. При тщательном препарировании особенностей развития и культуры русского народа адепты описываемой концепции не удостоивают вниманием другие цивилизации, вследствие чего подобные исследования превращаются в апологию всего русского, далекую от объективного научного анализа.

Современный исследователь не вправе игнорировать ни славянское ядро, ни русский культурно-исторический фундамент российской цивилизации, ее «несущую конструкцию», по выражению В.К. Трофимова [40, с. 129]. Но авторы, более глубоко изучающие историю России, не могут не учитывать ее поли-

этничность и поликонфессиональность. Под обозначением «русская цивилизация» у них подразумевается многонациональный российский социум, не сводимый только к русскому народу [41]. Общеизвестно, что во многих языках все россияне называются русскими безотносительно к действительной этнической принадлежности. Постигать развитие России без составляющих ее народов непродуктивно. В научной литературе неоднократно отмечались как опасность искажения общей картины цивилизационных признаков России при подобном подходе, так и методологические и исследовательские трудности, связанные с преодолением россиецентризма [42, с. 10–12]. Целесообразно рассматривать российскую цивилизацию как совокупность типов и форм жизнедеятельности различных этносов, населяющих Россию, объединенных единым жизненным пространством, историческим временем и устойчивыми социально-экономическими отношениями. Актуальным направлением в историографии стало исследование сочетания в нашей истории и культуре разнородных элементов – восточных и западных, оригинальных и заимствованных, традиционных и инновационных. Это направление необходимо для познания закономерностей развития нашей страны, так как позволяет составить представление о ее государственности и культуре как сложных, развивающихся, синтетических явлениях. Тезис о России как о цивилизационном мосте между Европой и Азией, Западом и Востоком, как зоны «встречи» христианского, мусульманского и языческого миров находит выражение в определении ее как цивилизации пограничной, например, «днепровско-волжско-сибирской» [43, с. 1] или евразийской. Развернутое обоснование данного подхода сделала в своей книге И.Б. Орлова, по мнению которой под евразийской цивилизацией следует понимать культурно-историческую систему, которая сложилась в ходе более чем тысячелетнего опыта взаимодействия народов, населяющих «срединный континент», что располагается между Китаем, Тибетом и «западным полуостровом Европой». Люди, живущие на очерченном пространстве, обладают особой евразийской идентичностью, или «общеевропейским национализмом» [44, с. 109, 112]. Все это – модификации теории локальных цивилизаций. Л.И. Семенникова сначала также

придерживалась мнения об абсолютной особености нашей страны, ее принципиальном отличии от Запада и Востока. По мнению данного специалиста, отличия от Европы и Америки наиболее разительно проявились в России в XX веке, когда сформировалась советская мобилизационная модель общественного развития, а у руководства государством утвердилась тоталитарная правящая партия. От восточной же парадигмы развития Россию отличает принадлежность большинства населения к христианскому, славянскому миру, некоторые социальные, политические и культурные процессы во второй половине XIX – начале XX вв., а также общая направленность развития на прогресс, что, с точки зрения данного автора, не присуще восточным социумам. Что же касается евразийства, то его ценность Л.И. Семенникова видела лишь в постулировании несводимости России к Западу или к Востоку и еще в повышенном внимании к восточным факторам ее развития [45, с. 102–103, 108]. Позже Л.И. Семенникова несколько смягчила свой своеобразный нигилизм, признав ведущей парадигмой развития России XVI–XVII вв. восточную – государство на принципах подданства, полный контроль над обществом, приоритет духовных ценностей, корпоративно-коллективистская общественная система. При этом славянская цивилизация, складывавшаяся в Восточной Европе в начале II тысячелетия, была рассечена мощными цивилизационными потоками – восточным в Северо-Восточной Руси и западным на остальной территории славянства [46, с. 109].

Евразийская концепция приобрела популярность среди российских гуманитариев в 1990-х годах. С одной стороны, сказался повышенный интерес к трудам русских эмигрантов, с другой – евразийство в новых условиях показалось одной из удобных теорий для объяснения исторической общности народов и государств на территории бывшего Советского Союза. Эта общность сложилась благодаря необъятной территории государства, присутствия в нем почти всех основных конфессий, связующей роли русского языка, единой исторической судьбе, в том числе в советский период. Адепты неоевразийства утверждают, что необходимо построить евразийскую цивилизацию как ожидаемый плод сознания миллионов людей, до сих пор осознающих себя исторической

общностью – советским народом. Драматические повороты в судьбе нашей страны порождали вывод о нескольких принципиальных, переломных вехах ее развития – принятие христианства, монгольское завоевание, петровские реформы, Октябрьская революция 1917 года. Именно с такими событиями в работах некоторых авторов и связываются этапы цивилизационного развития России. Причем отмечается, что ее «балансирование» между Западом и Востоком смешалось то в одну, то в другую сторону. В науке о цивилизациях впервые сходную точку зрения сформулировал А. Тойнби, который считал, что русские на протяжении примерно тысячелетия принадлежали к византийской цивилизации, а затем совершили два мощных рывка в сторону Запада – усилиями Петра I и большевиков [8, с. 106]. Тезис о византийском компоненте развития России не нашел поддержки у последователей Тойнби. Как правило, учеными ведутся дискуссии о компонентах западных и восточных. Заслуживает особого внимания продуктивная гипотеза А.С. Ахиезера об инверсионном пути развития России, ее постоянном «метании» от западной ориентации к восточной и наоборот [47]. Период X–XIII вв. был эпохой в основном европейской ориентации, на протяжении последующих трех столетий царил восточная инверсия, а с конца XVII века вновь возобладало равнение на европейские образцы. Распространяя вышеуказанный подход на советский период, отдельные исследователи склонны видеть в нем своеобразное возвращение к восточной парадигме развития [48, с. 113]. В данном подходе имеется рациональное зерно – полное огосударствление всех сфер жизни в СССР было относительно сопоставимо с устройством восточных деспотий.

Для современного анализа исторического пути нашей Родины используется критерий степени модернизации ее экономики и внутренней жизни. Время модернизации и совокупных кардинальных изменений имперской системы охватывает период XVIII–XX вв. [6, с. 209]. Вопрос об особенностях российских модернизаций активно обсуждается в новейшей историографии и политологической литературе, в том числе проблема воздействия модернизации на цивилизационное развитие. Следует обозначить лишь характерные позиции.

Перед современными исследователями вновь встал вопрос о значении преобразований Петра I. В чем-то этот спор повторяет на новом витке «вечную» дискуссию, начатую в XIX веке западниками и славянофилами. Одни авторы видят в петровских реформах начало истинной модернизации (фактически вестернизации) всех областей жизни – процесса противоречивого, не одинакового для различных регионов, растянувшегося на два столетия и выразившегося, в конце концов, в радикальной ломке устоев российского бытия после 1917 года [46, с. 46, 53–55]. Другие считают, что к началу царствования Петра сложился уже настолько прочный собственный социально-культурный фундамент российской цивилизации, что преобразования по западным образцам были обречены на системное отторжение, поверхностное внедрение, а стало быть, и на неудачу. Последнее мнение обретает многообразные формы, вследствие чего радикальные отличия развития нашей страны от Европы и Америки по-разному трактуются приверженцами различных политических сил. Так, один из лидеров радикально-демократического лагеря Е.Т. Гайдар был убежден в том, что Россия уже с XVI в. «оказалась в положении перманентно догоняющей Запад цивилизации» и постоянно вел речь о «вечно догоняющей русской цивилизации» [49, с. 48]. Подобный подход традиционен для западных интеллектуалов, которые рассматривают Россию как страну, пытающуюся вестернизироваться и приблизиться к европейско-американским стандартам, преодолеть колебания между своей греко-византийской сущностью и стремлением перестроиться по образцу западных соседей [50]. Поэтому западная историография традиционно анализирует историю цивилизационного развития нашей страны с первых централизованных мер по ее европеизации, т. е. с реформ Петра I [21, с. 10]. Конечно, несоответствие российских особенностей западным не может служить серьезным основанием для отказа России в собственной цивилизационной модели. Да и Запад при объективном рассмотрении оказывается вовсе не столь однородным, чтобы служить идеальным образцом для подражания и копирования. Для представителя лево-патриотических сил, очевидно, что западная цивилизация не смогла поглотить, ассимилировать русскую цивилизацию. Воспринимая за-

падные технологические достижения, наша страна – Россия времен Петра I или СССР эпохи И.В. Сталина, никогда не вливалась в западноевропейскую цивилизацию, а наоборот, обретала новые возможности для проявления своей яркой самобытности. Таким образом, несоответствие западным историко-культурным стандартам в одном случае трактуется, как попытки дотянуться до этих стандартов, в другом – как показатель историко-культурной самостоятельности российской цивилизации, изначально не ориентированной на следование нормам и устоям Запада.

На основании разновидности составляющих компонентов российского наследия и его культуры некоторые исследователи вообще отказывают нашей стране в цивилизационном своеобразии. Эта точка зрения базируется на авторитете Тойнби, который в середине XX века постулировал убеждение о том, что «Россия до сих пор не создала собственной оригинальной цивилизации» [51]. Подобное заключение зависит от критериев, что понимать под цивилизацией – западные демократии как маяк для всего человечества или сферу распространения одной из мировых религий. Но и те исследователи, которые не считают степень приближения к западным стандартам уровнем цивилизованности, также не расценивают Россию как особую цивилизацию, прежде всего, из-за механического, с их точки зрения, сочетания сегментов других устоявшихся цивилизаций. Как правило, они упоминают восточно-христианскую (православную) и исламскую, то есть за основу берется конфессиональный критерий – один из многих и далеко не универсальный для такого явления, как цивилизация. Данный подход предполагает, что с точки зрения цивилизационной теории необходимо рассматривать только отдельные регионы России с учетом некоторых цивилизационных парадигм развития, меняющихся на разных исторических этапах. Ни один из типов цивилизаций в чистом виде не представлен в истории и культуре нашей страны, представляющей собой неоднородное сегментарное общество, особый, исторически сложившийся конгломерат народов западной и восточной цивилизационной ориентации, объединенных мощным централизованным государством с великорусским ядром. В такой неоднород-

ности таится потенциал возможного раскола или распада державы по линии цивилизационных ориентаций. Поливариантность развития российского социума не всегда позволяет применять к нему социальные мыслительные конструкции, выработанные для оценки сравнительно гомогенных обществ Европы и Азии. Отсюда проистекает определенный скептицизм некоторых исследователей, которые вообще не видят целесообразности в применении категории «цивилизация» для изучения России. Они считают, что данное понятие в целом правомерно, но в научном смысле бессодержательно, и в российском контексте способно выполнять только описательные функции. Такой скептицизм вызван тем, что наука о цивилизациях окончательно не сформировалась, так как само это фундаментальное понятие имеет несколько равноправных значений.

Тем не менее, цивилизационный подход прочно утверждается в гуманитарных науках, что не позволяет, как отмахиваться от него, так и отказываться от поисков специфики российской цивилизации. Развернутые возражения соответствующим взглядам выдвинул Ю.В. Яковец. Он не решился причислить к единому цивилизационному организму всю историческую территорию Российской Империи, но высказал мнение, что Россия, Украина и Белоруссия вместе составили локальную цивилизацию с общими исторической судьбой, экономическим и культурным пространством, менталитетом. Россия, несмотря на доминирование в ней в определенные эпохи восточных влияний, принадлежит к Европе и, соответственно, к цивилизациям западного типа – и по «местопроживанию» основной части населения, и по культуре, и по религии (христианство), и по историческим корням [19, с. 68]. Ю.В. Яковец сконцентрировал свой анализ на славянском компоненте российского полиэтнического общества. Но подобное институциональное объединение восточнославянских народов не бесспорно, так как кроме общего происхождения и первых веков общей истории совместная жизнь этих народов впоследствии прекратилась, протекала в разных государствах, в рамках которых постепенно и сформировались самостоятельные русский, украинский и белорусский этносы. По длительности и интенсивности общения с русскими, по степени взаимного влияния украинцы и белору-

сы значительно уступают татарам. Добавим к этому длительную и активную полонизацию украинской и особенно белорусской элиты в XVI-XVIII вв. Поэтому следует искать общие признаки цивилизационного сосуществования народов в пределах России. Рассуждая о многонациональности как черте российской цивилизации, необходимо отметить, что понятие многонационального (до формирования наций – полиэтничного) государства раскрывается в двух значениях – во-первых, как государство с этнически смешанным населением, во-вторых, как совокупность территориально ограниченных этносов, входящих в его состав [52, с. 75]. Особенностью таких сложных и обширных территориальных образований, как Российская Империя, являлась сложная структурированность, несимметричность в отношениях между имперским ядром и периферией. Сформировавшаяся в социологии система взглядов на парадигму связей «центр (ядро) – периферия» позволяет описывать и анализировать межэтническое взаимодействие. В условиях Российской Империи на окраинах сохранялись собственные центры и, соответственно, локальные периферии – Польша, Грузия, Финляндия, среднеазиатские протектораты, весьма прочные и долговечные. Один из ведущих исследователей данной проблемы Э. Шилз выделяет три типа центрально-периферийного взаимодействия – центр воспринимается большинством населения как источник руководящих указаний относительно поведения, стиля жизни и убеждений; между центром и периферией простирается большое расстояние, периферия находится за пределами радиуса действия центра, в отдельных регионах имеются относительно независимые центры; между центром и периферией простирается большое расстояние, которое заполняется целой лестницей уровней власти, каждый из которых в известной мере самостоятелен, но признает главенствующую роль «большого центра». Третий тип – промежуточная модель между первыми двумя – наилучшим образом отражает характер связей между правительственными инстанциями и провинциями колоссальной российской державы.

Исследователи, изучающие особенности развития России, признают многонациональный состав (и связанную с ним поликонфессиональность) ее насе-

ления как одну из специфических черт. Даже сторонники концепции «этнически чистой» русской цивилизации не обходят его вниманием. Многие авторы ограничиваются простой констатацией, давая небольшие пояснения по поводу того, как им видится влияние указанных факторов на облик российской цивилизации. Это сводится к общим фразам типа – многонациональный суперэтнос на изначально полиэтнической основе, возникший в результате интеграции народов; многообразие народов, отличающихся различными нормами жизни, не способными к механическому сращиванию; переплетение множества культур; совокупность типов и форм жизнедеятельности различных этносов, объединенных единым жизненным пространством, историческим временем и устойчивыми социально-экономическими отношениями. Фактор многонациональности неразрывно связан с особенностями исторического развития страны. С конца XV века началось и до первых полутора десятилетий XX века продолжалось присоединение территорий, населенных не русскими. Неславянские племена и раньше жили на территории Древнерусского государства, отдельных княжеств, но не оказывали заметного влияния на государственность и культуру русских. Следовательно, если рассуждать о существовании особой русской цивилизации, то она исторически существовала до начала широкой экспансии из Северо-Восточной Руси на восток и юг. Позднее развернулось формирование полиэтнического населения русского государства, которое вбирало в себя социальные и культурные явления, незнакомые и не присущие русским до того. В исторической литературе можно встретить утверждение о начале складывания российской цивилизации со времени установления отношений между соседними народами на уровне взаимодействия, взаимопроникновения. Под данный критерий подпадает и более раннее славяно-финское взаимодействие, определяемое средствами археологии и лингвистики, а также славяно-тюркские контакты в золотоордынскую эпоху, которая почти не освещена источниками. Восточное влияние на русскую государственность и культуру достигало апогея в XIV–XVI вв. и придало особый, специфический облик российской цивилизации. Включение в нее нерусских компонентов не означало отсутствия цивили-

зационной цельности, непреодолимого раскола между христианским и мусульманским мирами. Напротив, образовался сложный синтез культур, несводимый к какой-либо одной конфессии [53, с. 150], хотя представители неправославных конфессий действительно изначально принадлежали к иным локальным цивилизациям, и во время пребывания в составе единого государства продолжали сохранять свои духовные центры вне его пределов. Такое различие между регионами и народами Российской Империи требовало анализа причин ее вековой устойчивости, отсутствия глобальных межэтнических (т. е. в данном контексте междивизиационных) конфликтов. Сам факт относительной социально-культурной стабильности в Российской Империи и Советском Союзе, за исключением периодов революционных кризисов, не позволяет согласиться с пренебрежительным отношением к широкому межэтническому взаимодействию как к легенде, пропагандистскому вымыслу [54, с. 102]. Напротив, Россия выработала такой тип межнациональных отношений, который учитывал интересы инородческих этносов и способствовал многовековой, относительно мирной совместной жизни народов различных расовых, религиозно-конфессиональных и этнических ориентаций. При этом формировалась «многослойная» идентичность, характерная для многих империй. Наряду с принадлежностью к своему этносу, а у некоторых народов еще и к клану, племени, патриимии, тейпу, его представитель начинал осознавать себя еще и россиянином – жителем, подданным, гражданином общего Отечества. Причем, если до 1917 года такое осознание еще во многом персонифицировалось в фигуре монарха, то позднее выработалась идея причастности именно к советскому «надэтническому» государству как общей Родине населяющих его народов.

Неизбежно встает вопрос о причинах и факторах этих сложных интеграционных процессов. На первом месте исследователи по праву называют организующую роль государства. Национальная политика в России была и во многом является сейчас этатистской – полностью подчиненной политическим соображениям, интересам имперской государственной машины. Обычная для империи идеология требовала личной преданности монарху, исполнения обязанностей

перед ним, вне зависимости от национальности и вероисповедания. В таких условиях принадлежность подданного к определенному этносу отступала на второй план, уступая место по значимости его социально-сословной и конфессиональной принадлежности. Отдельные авторы приходят к выводу о существовании в России традиционно своеобразного, охраняемого государством плюрализма в духовной и социокультурной сферах, даже в религиозной политике проявлялась толерантность, хотя и при известных ограничениях. Роль и значение государственности в формировании многонациональной цивилизации заслуживает особого рассмотрения. Именно государство являлось той системой, которая действовала на первых этапах включения все новых и новых элементов в российское сообщество народов. Присоединяемые к России подданные сначала сталкивались с деятельностью государственной машины в лице армии и пришлого чиновничества и только затем подвергались воздействию новых, привнесенных экономических и культурных явлений.

Попробуем выделить некоторые закономерности во взаимодействии власти и этнических групп нашей страны. В контексте государственной истории данный вопрос предстает в виде анализа отношений центра и окраин, в том числе национальных. Разделение территории на административные единицы было свойственно всей истории России, как и любого другого государства. За последние пятьсот лет российская политико-административная система прошла длительный и сложный путь развития. Параллельно шло налаживание системы связей с «инородческим» населением. Основными факторами, определявшими особенности этих процессов, были следующие – огромная территория с редко-населенными северными и восточными регионами; многонациональность населения, в том числе правящей элиты; постепенное накопление и сочетание не только собственных традиций, но и заимствований извне – из Византии, стран Востока и Запада; использование в государственном управлении административных систем новоприсоединенных владений; доминирующая роль государства и государственной бюрократии (по сравнению с частной инициативой) в освоении новых территорий, развитии экономики; абсолютное преобладание на

всех уровнях управления русских чиновников – «православных», по терминологии XVIII–XIX вв. Перечисленные характеристики в разной степени проявлялись и после 1917 года, хотя в советский период государственное строительство велось более целенаправленно, чем до революции, и к тому же сопровождалось мощным идеологическим обоснованием, чего не было в прежние времена. В целом для системы административно-территориального деления и управления в России можно определить следующие фундаментальные принципы. Во-первых, в отличие от СССР, где управление всей территорией было унифицированным, в Российской Империи имелись значительные региональные различия в принципах и приемах управления. Главная причина этого разнообразия заключалась в постепенности формирования государственной территории и населения, а также в неодинаковых исторических обстоятельствах присоединения регионов. Таким образом, административная структура была объективно обусловлена самим ходом истории, развития страны. Вся система управления представляла собой сочетание общеимперских и местных административных канонов. Так, деление на крупнейшие провинции сопровождалось сохранением традиционных «дорусских» подразделений на низшем уровне – округов, волостей, улусов и т. д. Во-вторых, включение народов и территорий в состав России сопровождалось поглощением местных административных систем имперской государственностью. На протяжении XVI–XX вв. были присоединены такие политические образования, как татарские ханства Поволжья, Крыма и Западной Сибири, казахские жузы, Кокандское ханство, царства, ханства и княжества Закавказья и Северного Кавказа, имамат Дагестана и Чечни, Украина, часть Речи Посполитой. Был установлен протекторат над Бухарским эмиратом и Хивинским царством. В первой половине XX века в состав Империи вошли, утратив независимость, прибалтийские государства и Тува (Урянхайский край). В-третьих, в отличие от советского времени, результаты экспансии в предыдущие столетия не выражались обязательной ликвидации местных управленческих структур. Правительство стремилось без резкой радикальной ломки адаптировать дороссийские институты к целям управления. Это вызывалось: не-

хваткой русских чиновников на громадном пространстве державы, стратегией на постепенное приспособление новых подданных к жизни в составе России. Полный слом национального государственного механизма происходил лишь после присоединения государства военным путем – татарские ханства, имамат Дагестана и Чечни. Но и в этом случае нижние звенья администрации (общинные, волостные и прочие) могли оставаться в том виде, в каком они существовали до прихода русских. Время от времени правительство предпринимало радикальные преобразования провинциального деления и местного управления. Самые крупные из них – это областные реформы Петра I 1708 и 1719 гг. и губернская реформа Екатерины II 1775 года. Идея и терминология губернской системы порой копировали германо-шведские образцы [55, с. 185–194], но на российской почве эта система в ряде элементов соответствовала допетровским структурам. Некоторые звенья управления, слепо перенесенные из Европы на российскую почву, довольно быстро отмерли. Наряду с сохранением существенных локальных различий, центральная власть пыталась постепенно унифицировать административную структуру регионов, вследствие чего карта Империи существенно перекраивалась. Во всех губерниях учреждалось единообразное штатное расписание чиновников, с детальной проработкой их функций и обязанностей. Текущая работа и функционирование канцелярий находились в ведении вице-губернаторов. При реформе 1775 года губернии нарезались из расчета по 300–400 тыс. человек в каждой и с делением их на уезды по 12–15 тысяч человек в каждом. Крайние территории одна за другой утрачивали особый статус и превращались в обычные губернии с унифицированной системой налогообложения, правовым режимом. Тем не менее, к 1917 году в России еще имелось несколько областей со специфическим юридическим положением – казачьи войска, протектораты, горные округа, Польша и Финляндия. Указанные мероприятия проходили в русле объективной исторической тенденции к выработке единого стандарта имперского подданства и управления, и объяснялись ее действием, а не зловещим умыслом удушить остатки этнической самобытности подданных народов, согласно утверждением националистически настроенных

историков в странах бывшего СССР. Эта тенденция просматривается в России с начала XVII века, в связи с введением воеводского управления после Смуты, действовала на протяжении последующих столетий и обрела законченное выражение в XX веке. Рассуждать о каких-либо юридических отличиях или притеснениях республик в составе СССР вообще не имеет смысла. В досоветское время Россия не делилась по национальному признаку. Причина заключалась в обычном для многих империй принципе равенства всех подданных перед престолом, вне зависимости от этнической и религиозной принадлежности. Поэтому исторически невозможно было ввести в нашей стране регионально-этническое деление, так как оно нарушило бы всю историческую логику складывания государственной территории. Формально в разное время сохранялись присоединенные царства, а также азиатские протектораты, но все они были многонациональными, а также имели обозначения не по населявшим их народам, а по историческим областям и столицам – Польша, Бухара, Хива, Казань, Астрахань, Сибирь. После Октябрьской революции одни народы Российской Империи стали «титულными» для союзных республик, вторые – для автономных республик, третьи – для автономных округов, а четвертые остались без собственных административных образований. При этом русские не попали ни в одну из перечисленных категорий. Такое разделение, предопределившее будущие конфликты и развал государства, происходило во многом из декларированного В.И. Лениным «права наций на самоопределение», хотя И.В. Сталин с начала 1920-х годов фактически строил унитарное государство. Различия в статусе национальных образований сыграли негативную роль и обнажили заложенную в них опасность только в 1980–1990-х годах, когда Советский Союз вступил в стадию необратимого кризиса.

Важным принципом государственной жизни являлось разграничение юрисдикции и, следовательно, компетенции между центральным правительством и региональными властями. На всех подданных Империи распространялись уголовные уложения, а административное законодательство разрабатывалось местными властями с учетом управленческих установлений и патриар-

хальных обычаев местного населения. Соответственно и некоторые функции судопроизводства передоверялись местным этническим элитам. Для отдельных территорий разрабатывались особые законодательные установления: решения Боргоского сейма 1809 года для Финляндии, «Устав об управлении сибирских инородцев» 1822 года, «Правила по управлению калмыцким народом» 1825 года. Особое место в имперской структуре занимали договоры о протекторате над Бухарским эмиратом 1867 года, Хивинским ханством 1873 года, Урянхайским краем (Тувой) 1914 года. Зачастую общеимперское деление на местах существовало параллельно с особыми региональными подразделениями – казачьими войсками, вассальными княжествами, горными округами, пограничными и приморскими управлениями; до 1867 года североамериканские владения России формально входили в Иркутскую губернию, хотя фактически управлялись аппаратом Русско-Американской акционерной компании; Тува, несмотря на формальное сохранение государственности (протекторат), была включена в состав Енисейской губернии Иркутского генерал-губернаторства. Кроме того, все государство делилось на округа по ведомственному принципу – военные, жандармские, судебные, учебные, церковные епархии. На местах уже действовали общеимперские нормы, и никаких локальных вариаций не допускалось. Такими же унифицированными были статус и обязанности служащих окружных учреждений. Важным элементом регионального управления было сотрудничество центрального правительства с местными национальными элитами. Включение народов и племен в число имперских подданных происходило как военными, так и мирными путями. Но в любом случае для присоединенных земель избирались способы наименее болезненного вовлечения их в общую административную структуру Империи. Правительство шло на сотрудничество с местными элитами – дворянством, земельными магнатами, князьями, родоплеменной верхушкой, оставляя им определенную долю власти при условии лояльности и исправного исполнения финансовых и управленческих обязательств. Отношения с традиционной знатью народов на окраинах строились на совершенно иных принципах, чем с губернским чиновничеством, которое по-

лучало должности по назначению, а оклады – из государственной казны. В данном случае складывалась второстепенность для имперской власти этнической принадлежности подданных. Ликвидация местной аристократии практиковалась в единичных случаях на первых этапах создания многонациональной державы – завоевание татарских ханств в XVI веке. Абсолютно доминировало вовлечение элит в структуру управления, которое достигалось сохранением традиционных сословных прав и привилегий; включением в общий корпус российского дворянства; при переходе в православие – возможностью беспрепятственной карьеры на государственной и военной службе или при дворе. На протяжении XVI–XIX вв. при управлении окраинами правительство почти никогда не заостряло вопроса о формальном статусе территорий. Считалось достаточным, чтобы данный регион значился в высшей государственной символике – царском титуле, затем в гербе Империи; он включался в сферу компетенции внутренних, а не внешнеполитических центральных ведомств; входил в одну из крупных административных единиц – воеводство, губернию, наместничество; на него распространялось действие общероссийского законодательства; все его население выплачивало налоги в казну и выполняло прочие обязательные повинности, например, рекрутскую – по набору в армию. Некоторые региональные особенности в административном устройстве и управлении, а также привилегии, дарованные местным элитам, воспринимались как царские пожалования, что исключало возможность разработки без участия царского правительства законодательных актов, и тем более конституционных проектов. В западных провинциях либеральная интеллигенция и дворянство предпринимали подобные попытки, вызываемые воспоминаниями об утраченной польской и литовской государственности. На восточных окраинах лишь в период революционного кризиса начала XX века стали действовать общественные движения, которые занялись разработкой основ национальной государственности. В СССР все союзные и автономные республики имели конституции, написанные по единому шаблону, а края и области формально входили в сферу действия зако-

нодательства соответствующей республики, и, естественно, союзного государства.

В XVIII веке возникло, а в XIX веке утвердилось одно из основных достижений российской государственной мысли – институт генерал-губернаторства. Генерал-губернаторы назначались императором, они управляли обширными территориями, зачастую выполняя столичные функции во внешнеполитической сфере. Генерал-губернатор Кавказа имел право самостоятельных контактов с Ираном, генерал-губернатор Восточной Сибири – с Китаем. Вопрос о присоединении к России Тувы в начале XX века решался в иркутской канцелярии, Совету Министров оставалось только провести экспертизу, а императору – наложить резолюцию. Важнейшей неформальной функцией генерал-губернатора служила его роль политического «амортизатора» самодержавия. Большие властные полномочия позволяли ему решать экономические и отчасти политические проблемы региона, не перекладывая их на правительство. Подобная децентрализация власти позволяла предупреждать потенциальные конфликты на местах, не доводя их до общеимперского масштаба, исключая периоды глобальных социально-экономических кризисов. Это не означало закрытости центра для подданных, но депутации польской шляхты, кавказской знати или сибирских родоплеменных предводителей допускались на царские аудиенции в виде особой милости. Обычно они обсуждали свои дела с русскими властями соответственно в Варшаве, Тифлисе, Тобольске или Иркутске. В данном случае уместно вспомнить об особенностях связей между центром и периферией, подтверждающих идеи Э. Шилза о применении в России «промежуточной модели» таких связей, осуществляемых посредством целой цепи инстанций-посредников. Присоединенные земли, а также регионы, в которых назревали беспорядки, могли получать ранг наместничества. Наместник, помимо общих административных обязанностей, командовал армейскими подразделениями, дислоцированными в его крае, а подведомственные ему учреждения заменяли отделения Центрального банка. Характерный пример такой политики – неоднократное учреждение Кавказского наместничества. Громадные прерогативы ге-

нерал-губернаторов и наместников теоретически могли служить базой для их сепаратизма. В истории России подобных выступлений не зафиксировано, но устройство Империи предусматривало меры для их предотвращения. Во-первых, кандидатуры высших администраторов утверждались лично императором и подбирались из представителей высшей аристократии или царской фамилии (великие князья), т.е. лиц, максимально лояльных престолу. Во-вторых, правление их в каждом генерал-губернаторстве или наместничестве было ограничено особым контрольно-совещательным органом – Советом, членов которого также назначал царь, и отчитывались они только перед ним. Советское административно-территориальное устройство в основном радикально отличалось от имперского, но некоторые основополагающие принципы сохранялись в неприкосновенности, поскольку присущи любой государственной системе – принцип деления территории, направление на места эмиссаров центральной власти, привлечение к управлению представителей местного населения, в том числе разных национальностей и др. Наиболее существенным новшеством Советской власти была сознательная политика большевистской партии по формированию национальных управленческих элит.

Наряду с принципиальной ролью государства в конструировании многонациональной российской цивилизации, на первом месте по значению многие исследователи обоснованно ставят историческую роль в этом процессе русского народа. Прежде всего, она проявилась в широком расселении русских по евразийскому пространству и объективно возникшей необходимости контактов с местными этносами. При этом сами русские не составляли гомогенную этническую структуру с единой, общей для всех них идентичностью. Напомним о существовании специфических общностей внутри русского этноса на российском Севере (поморы) и Юге (казаки), а также в определенном смысле в Сибири. Различия между ними являлись не более чем локальными вариантами единого цивилизационного, социально – культурного комплекса. Поэтому русская культура при всем своем региональном своеобразии приходила к нерусским народам приблизительно в одинаковых формах. Ее унификации на окраинах

способствовали: значительная роль государства в процессе заселения; единство доминирующей православной церкви и христианского культа «греческого закона», в котором, начиная со второй половины XVII века, уже не допускались местные вариации; господство единого литературного русского языка, применявшегося в официальных документах и прочих произведениях письменной культуры. Отдельные сторонники концепции особой русской цивилизации выдвигают на первый план в качестве ведущего фактора организации и сплочения этносов духовную силу русских, которая подавляла противников и соперников силой добра и справедливости. Русские расселились далеко за пределы своего первоначального этнического ареала на Восточно-Европейской равнине и приступили к хозяйственному освоению присоединенных земель. Повлекло ли это национальный гнет с их стороны по отношению к местным народам? Означало ли это проведение колониальной экспансии царизма? Можно ли считать русских господствующей имперской нацией? Утвердительные ответы на эти вопросы можно почерпнуть из сочинений многих авторов, работающих в государствах на территории бывшего СССР, а также в республиках в составе Российской Федерации.

Если же отойти от политизированных, конъюнктурных оценок, то оказывается, что русские вовсе не благоденствовали, как полагалось бы настоящим колонизаторам, не начали беспощадную эксплуатацию национальных окраин, наряду с местным населением подвергались общей эксплуатации со стороны государства. В своем фундаментальном исследовании о русском крестьянстве Л.В. Милов справедливо утверждает, что «основным источником изъятия государственными органами прибавочного продукта был носитель этой государственности – русский народ. Наибольшая тяжесть эксплуатации падала на великорусов, и это было следствием суровой объективной реальности, то есть локализации этноса в зонах, крайне неблагоприятных для земледельческого производства. Поэтому именно русские люди и отчасти малороссы, остро нуждавшиеся в расширении хозяйственного пространства, шли на юг, юго-восток и восток, на необжитые территории в поисках лучшей доли, вступали в контакты

с другими народами. Противоположная ситуация, то есть утверждение привилегированного положения как «имперской нации» в российском социуме как обществе с минимальным объемом совокупного общественного продукта, в условиях сохранения многонационального государства, была исторически нереальна» [56, с. 566–567]. Русские составили этническое ядро Российского государства в силу своей многочисленности и проживания в Московской Руси, откуда и началась история императорской России. Русский этнос традиционно и естественно доминировал почти во всех сферах жизни общества, но еще в первых десятилетиях XX века русские значительно отставали от некоторых других народов по степени урбанизации и уровню распространения грамотности. Масса русских крестьян жила хуже, чем большинство крестьян в других регионах Империи, особенно западных. При этом политика по отношению к национальным окраинам и в целом по отношению к нерусскому населению на протяжении столетий неоднократно претерпевала значительные изменения. Правительство то стремилось сохранить и постепенно адаптировать местные национальные управленческие и культурные устои, то брало курс на унификацию социальных и культурных стандартов. Это выливалось в форсированную христианизацию окраин, насаждение школьного и высшего образования на русском языке, введение общеимперских административных канонов [57]. Подобная стратегия господствовала в Российской Империи накануне ее крушения. К 1917 году русская администрация и русская армейская элита занимали ведущие позиции во всех окраинных регионах за исключением Финляндии. Русский язык, русская культура и православие имели повсеместное распространение и усиленно использовались как инструменты гомогенизации Империи.

Для последнего процесса часто употребляется термин «русификация». Следует согласиться с мнением многих отечественных исследователей о его неточности. Исторически правомерно вести речь о последствиях объективного доминирования русского народа в общественной системе России, прежде всего, в государственной сфере, а также о стремлении государства создать русскоязычные анклавные территории на присоединенных территориях. Также спорно применение

категории «колониальный» по отношению к национальной политике царского режима. Трактовка преобладания русских в России как следствия колониализма, традиционной русификации и россиецентризма популярна сейчас в науке и публицистике стран СНГ. В качестве обратной стороны этой ситуации обычно преподносится национальное угнетение нерусских народов, сознательное уничтожение их культурного своеобразия. Данная проблема поднимается в историографии и политологии по поводу определения степени зависимости окраин от центра при сопоставлении ее с классическими колониальными моделями. Подобная трактовка наиболее четко сформулирована М.С. Восленским на примере Советского Союза. По его мнению, с одной стороны, союзные республики имели следующие черты полуколоний – хотя они входили в состав Советского государства в качестве его административных единиц, и администрация в них была в основном местного происхождения, многие ключевые посты замещались посланцами из метрополии; в пределах республик дислоцировались войска метрополии; в делопроизводстве и печати использовались как местные, так и русский языки. С другой стороны, колониальному статусу противоречили правление в основном национальной номенклатуры местных народов и сравнительно небольшое число русских в администрации. «Номенклатура-сюзерен мудро старается не задевать национальные чувства местного населения, а пониженное положение простых русских в национальных республиках призвано закрывать глаза коренного населения на полуколониальную зависимость» [58, с. 433]. Приведенные М.С. Восленским черты полуколониальной зависимости на самом деле не являются таковыми, так как в основном отражают черты тоталитарного строя в многонациональной стране. Существование национального угнетения в полиэтническом государстве вовсе не свидетельствует о колониальном характере управления. В условиях коммунистического режима колонией в таком случае можно было бы считать абсолютное большинство населения СССР без различия национальностей, а метрополией – его многонациональную номенклатурную элиту. Ни один народ, в том числе русские, не имели фактических, а тем более юридических преимуществ перед другими.

Со схемой классической колониальной империи явно расходится экономическое и культурное превосходство некоторых периферийных, особенно западных, регионов перед метрополией. Руководство страны было больше озабочено сохранением своей власти путем сотрудничества с национальными элитами и поддержанием положения сверхдержавы, чем повышением уровня жизни русского народа. Можно возразить, что активное и массовое расселение русских в национальных регионах фактически стало продолжением славянской колонизации, начавшейся в предыдущие столетия. Например, целинная эпопея 1950-х годов была реально не чем иным, как колонизацией территории бывшего казахского Среднего жуза – Восточного Казахстана. Во-первых, колонизация не равнозначна колониализму, колониальной экспансии. Во-вторых, если оценивать данный процесс объективно, то следует видеть в нем не колониальные аппетиты царизма или советского режима, а осуществление целенаправленной государственной политики, направленной на экономическое развитие окраин. Местные национал-радикалы в союзных и автономных республиках нередко воспринимали русских как начальников и конкурентов с неоправданно высоким социальным статусом. Антирусские настроения в среде населения национальных регионов во многом были следствием массового переселения значительной части русских, которые на новых местах трудились в промышленности, строительстве, на транспорте, составляя костяк местного рабочего класса и научно-технической интеллигенции. Русские оказывались в такой социально-экономической среде, которая не требовала быстрой адаптации к локальным этническим особенностям – изучения языка, обычаев, наоборот, в национальных регионах расширялась именно русская языковая и культурная среда, что вызывало недовольство у местных ревнителей этнической чистоты. Впоследствии незнание местных языков стали ставить русским в вину как признак их пренебрежения национальными культурами.

При И.В. Сталине советская культура все более приобретала национально русский облик – русский язык был объявлен обязательным для школьного обучения, системы письменности в автономных республиках на основе латиницы

заменяли кириллицей. После победоносного завершения Великой Отечественной войны официальное прославление русского народа сопровождалось кампанией против космополитизма. Социальной опорой этих явлений послужили промышленные кадры, мобилизованные из деревни, а инициатором и проводником – патриотически-ориентированная сталинская номенклатура. В среде высшего руководства Советского Союза формально преобладали русские. За период 1917–1989 гг. в Политбюро, Оргбюро, Секретариате ЦК РКП (б) – ВКП (б) – КПСС пребывало 132 члена русской национальности, 17 евреев, 6 белорусов, 7 латышей, 5 грузин, по 2 армянина, узбека, азербайджанца, немца, поляка и по 1 казаху, татарину, финну. Причем в этих органах процент русских и евреев был выше, чем их удельный вес в стране. Позднее доля евреев резко снизилась, а представительство русских еще более возросло. Так, в 1940–1980-х годах русские в СССР численно превосходили украинцев втрое, а в высших партийных органах вшестеро. Но при этом славянские народы были представлены более полно. За 1934–1984 гг. в высшей партийной элите русские, украинцы и белорусы составляли около 84%, а остальные 16% распределялись среди прочих этносов страны. Если рассматривать состав ЦК, то за 1952–1976 гг. из 101 его члена к славянам относились 97, из них 78 русских, был только 1 армянин, а среди высших офицеров Советской Армии вообще не было грузин, прибалтов, выходцев из Средней Азии и Азербайджана [59–63]. Привилегированными в этом отношении, по сравнению с русскими, оказывались белорусы и украинцы, что объяснялось их этнической близостью, высокой степенью русифицированности украинской интеллигенции – гарантией, по мнению Н.С. Хрущева и Л.И. Брежнева, от стремления к автономии [64]. По некоторым сведениям и подсчетам, в послесталинский период просматривается относительная украинизация высшей советской элиты. В 1952 – первой половине 1960-х годов доля украинцев в ЦК КПСС выросла с 15,5 до 18,5% против 7,9% в 1939 году [65].

Доминирование русских распространялось и далее вниз по властной вертикали. Это началось с первых лет Советской власти, когда революционные

преобразования требовали неуклонного выполнения директив ЦК, распространившихся на русском языке. Последующие государственные мероприятия, например, коллективизация, шли успешнее, если у власти становились представители славянских народов. К 1970-м годам сложилось несколько устоявшихся аксиом кадровой политики, закрепивших за русскими должности в республиках. Русским был второй секретарь ЦК местной компартии, при этом не местный, а присланный из Москвы. Он являлся локальным наместником, подлинным вершителем политики, отвечая за работу с кадрами, контролировал номенклатуру. Иногда русские становились и первыми секретарями – Хрущев на Украине, Голощекин в Казахстане, Брежнев в Молдавии и Казахстане. Дублирование первых секретарей русскими напарниками шло далее по иерархической лестнице в партийном и советском аппарате вплоть до райкомов и райисполкомов. Повсеместно их функции состояли в контроле и надзоре за своими непосредственными начальниками; прочие партийные секретари, в том числе ЦК республиканских компартий, принадлежали к местным народам, но при каждом состоял аналогичный надзиратель. Так, секретарь ЦК по идеологии являлся местным, а замзавотделом пропаганды ЦК – русским. Русским по происхождению был и председатель республиканского КГБ, аппарат которого состоял в основном из славян. То же можно сказать о командующем Вооруженными Силами, дислоцированными в республике [66]. После смерти И.В. Сталина происходят серьезные изменения в национальном составе республиканских элит. Все больше становится нерусских партийных секретарей. К концу 1950-х годов в восьми из четырнадцати союзных республик (РСФСР не учитывается) секретари ЦК по оргвопросам принадлежали к местным национальностям [66]. Тем не менее, контроль центра осуществлялся через русские и украинские кадры. Контроль центральных органов над союзными республиками через своих славянских представителей сохранялся до середины 1980-х годов. Статус этих представителей оставался неизменным, в то время как самостоятельность и влияние местного национального руководства постоянно росли. Ко времени перестройки институт наместников начинал превращаться в анахронизм, лиш-

ний элемент администрации, и национальные элиты были вполне готовы избавиться от него.

Советский период в истории российской цивилизации занимает особое место. Политизированные интерпретации советского общества и Советского Союза как «идеологически мотивированной сверхдержавы» по С. Хантингтону [67, с. 57] отходят в прошлое, уступая место взвешенному и объективному анализу. Оценки советской, особенно сталинской, эпохи по степени дискуссионности в современных исторической и политической науках встали в один ряд со спорами о значении петровских реформ. Так, если К. Вайцзекер считает, что в России, как и в Китае, старая империя сумела в результате социалистической революции соединить социализм с традиционной структурой централизованной правительственной власти, то В. Кантор убежден в том, с отменой частной собственности большевики отменили и принцип последовательного, преемственного развития российской цивилизации [68]. Действительно, многие жизненные устои Империи подверглись сознательному уничтожению после революции. В результате индустриализации, урбанизации, массовых миграций, утверждения атеизма, все более широкого распространения сферы применения русского языка и т. д., началось стирание межнациональных различий народов Советского Союза, особенно в среде городского населения. Унификация культуры и образа жизни, а также формальное уравнивание всех граждан перед законом без различий национальностей создали необходимые предпосылки для формирования единой цивилизационной общности – явления, которое до начала XX века существовало в России как нарастающая тенденция. Это позволяет рассуждать о формировании так называемой гражданской нации – сообщества граждан государства без различия национальностей. Особое значение имела советская идеология и ее носительница – Коммунистическая партия. Марксистско-ленинская идеология в ее державной сталинской интерпретации духовно соединяла страну в одно целое, предлагая общую советскую идентичность, нивелируя исторические и культурные различия регионов. Цивилизационная общность России XX века получила наименование советского народа. Некоторые

критики коммунистического режима считают это понятие фикцией, безжизненной идеологемой. Советский народ социально и исторически существовал не только в гражданском обществе, но и в национально-культурном смысле, о чем свидетельствуют общие признаки ментальности и повседневной культуры на всем пространстве бывшего СССР. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев в докладе на XXIV съезде официально заявил об окончательном формировании этой «новой исторической общности» [69, с. 232]. Но эта общность оказалась далеко не новой, а сформированной и подготовленной вековым развитием российской государственности и культуры.

Кроме преобладающей тенденции к унификации в России XVII-XX вв. действовала противоположная центробежная тенденция, выражавшаяся в сепаратизме отдельных регионов и национальных окраин. Во времена кризисов она усиливалась (начало XVII века, 1917 год), а в конце XX века проявилась в крайней форме дезинтеграции и развала союзного государства. Местные национальные элиты стремились расширить долю своего участия в управлении. Традиционная патриархальная и феодальная аристократия в течение XIX века почти повсеместно исчезла, уступив место молодой национальной буржуазии и интеллигенции. В тюркских регионах в начале XX века национальная интеллигенция духовно опередила духовенство как хранителя исторической памяти народов. Социальное и культурное развитие окраин сопровождалось осознанием не столько этнической принадлежности, сколько национального единства. Именно в начале XX века у многих этносов появляются общие самоназвания, предложенные просветителями – казанские татары вместо прежних казанцев, болгар, мусульман; хакасы вместо абаканских татар и минусинских татар; азербайджанцы вместо закавказских турок/татар. В итоге сложился крайне противоречивый этнополитический комплекс, в котором русский этнос («православные») присутствовал как костяк администрации на Восточно-Европейской равнине, но и на всех территориях Империи в виде сплошных крупных этнических массивов и анклавов. После Октябрьской революции 1917 года использование национальных управленческих кадров приобрело новые черты. В результате

политики коренизации 1920–1930-х годов прежние привилегированные сословия были вытеснены представителями эксплуатируемых классов, объективно не подготовленными к административным функциям. В этих условиях решающее слово в принятии решений оставалось за контролирующими представителями центральных инстанций, как правило, русскими. В Сталинской Конституции 1936 года был фактически осуществлен план так называемой автономизации бывшей территории Российской Империи. Он представлял собой закономерное развитие тенденции к унификации в отношениях между центром и национальными окраинами. В отношении этой тенденции государственного развития национально-государственная политика И.В. Сталина представляла собой шаг вперед, а в отношении противоположной тенденции – национальной автономизации – шаг назад, поскольку суверенность народов СССР носила декоративные и неполитические формы (культура, язык и т. п.). В русле действия процесса объективной унификации и происходило формирование российской цивилизационной общности XX века – советского народа. Второе центробежное направление развития было подавлено при жизни И.В. Сталина, но не исчезло окончательно. Стремление к децентрализации в 1960–1970 годы продолжало подспудно существовать в массовом сознании, прежде всего у интеллигенции, и в среде эмигрантов. В годы перестройки набравшие силу республиканские элиты смогли добиться политической самостоятельности и, в конце концов, полной государственной независимости. Одним из признаков этнокультурного развития народов России стало вызревание национализма, т. е. выпячивания и пропаганды своей этнической идентичности, ее противопоставления идентичности других этносов. На рубеже XIX–XX вв. объективным стимулом данного процесса был официальный русский национализм, оформленный в виде верховенства православного монарха и оберегающей его Церкви над всеми прочими правителями и конфессиями. Русский официальный национализм не имел шовинистической окраски и выступал в форме стихийного и нередко сознательного внедрения русского языка и культуры, православия в районы проживания инородцев, национализм которых явился реакцией на культурную и религиоз-

ную политику государства. Поэтому первые националистические идеи высказывались просветителями, ревнителями национальных языков и поклонниками, а иногда и создателями национальных литератур, в различных культурных обществах и кружках. На востоке Империи эта реакция могла принимать облик религиозных движений. В западных регионах – в Польше и на Украине были живы воспоминания об утраченной собственной государственности, и мечта о ее возрождении служила одним из основных факторов национальных движений. Каждое из присоединенных к России государств было в военном отношении более слабым, чем Московское царство, Российская Империя и СССР. Поэтому экспансия XVI–XIX вв., особенно в восточном и южном направлениях, велась под лозунгами не только принятия подданства более могущественному монарху, но и славы русского оружия. В официальной пропаганде, адресованной инородцам, российская монархия обретала облик неодолимой силы, собирательницы и защитницы народов. При этом официоз не допускал мысли об историческом равноправии уничтоженных государств с Россией. Различные теории освоения Сибири, освоенной местными народами за тысячи лет до Ермака, покорения Кавказа, «наименьшего зла» оправдывали итоги территориального расширения и завоеваний. Соответствующая идеологическая пропаганда велась посредством просвещения, школьного образования, в том числе, и в национальных регионах. Естественно, что деятелей эпохи экспансии – Ермака, Ермолова, Скобелева, Суворова следовало считать героическими личностями, кузнецами славы и мощи России, а их противники преподносились в довольно зловещем виде и находились на задворках официальной пропаганды и державной идеологии. Развитие присоединенных народов к началу XX века достигло такого уровня, что прежние подходы идеологически устарели. В пределах Империи сформировались стабильные этнические общности со своей национальной элитой – вначале просветителями, затем интеллигенцией, а затем и политическими деятелями. Представители национальных регионов все настойчивее выдвигали самобытные программы, в которых ностальгия по утраченной или нереализованной государственности служила важным идейным компонентом.

В этих условиях Империи требовалась новая патриотически-ориентированная политическая элита. Именно XX век принес Российской Империи не столько роковые военные поражения, болезненные в силу материального ущерба, сколько утраты тысячелетнего престижа. Каждая из военных неудач с Японией наносила удар по традиционному имиджу России, тем более что ее противником была небольшая и не самая высокоразвитая страна. Историкам начала XXI века легче оценивать итоги русско-японской войны, так как открыты ранее засекреченные документы. Поражение в войне с Японией оказало мощное влияние на национальные политические движения, на формирование лозунгов административной автономии регионов, что впоследствии привело к их независимости. Маленькая азиатская страна одолела все сильного соседа. В глазах населения окраин российская монархия лишилась тысячелетней репутации. Одновременно развернулись революционные коллизии 1905–1907 гг., появилась Дума, были проведены выборы депутатов, давшие национальным элитам реальный политический шанс участвовать в управлении государством. В этих условиях местный национализм начал обретать организованные формы. Образовались партии, проводились национальные съезды, появилась политическая публицистика. С 1916 года в обстановке нарастающего хаоса набирало силу радикальное сепаратистское крыло националистов. К моменту крушения монархии многие народы окраин имели харизматических лидеров, выдвигавших идею отделения от России. Конечно, не только военные поражения испытывали на прочность полиэтничный российский социум. В нем изначально существовал конфликтогенный потенциал, порожденный и постоянно регенерируемый несколькими факторами. Существовало объективное противоречие между русскими и местными этносами, утратившими возможность самостоятельного политического развития. Под властью сильного, единого государства многие традиционные споры и вражда между локальными этническими общностями подавлялись, переходили в латентную фазу, чтобы вспыхнуть с новой силой при ослаблении центральной власти, для которой обострение межнациональных конфликтов служило верным признаком ее неадекватности новым условиям,

призывом к поиску путей для восстановления стабильности и спокойствия. Но нельзя оценивать историю российского сообщества народов как череду конфликтов. История России XVI–XX вв. свидетельствует об обратном. Абсолютное большинство этносов в ее составе, лишившись шанса на независимое государственное развитие, не исчезло с лица земли, а развивалось в рамках единой экономической и культурной системы, увеличиваясь при этом численно.

Таким образом, российская многонациональная цивилизация является исторически сложившимся сообществом народов, с объективно присущими ему этноинтегрирующими факторами и конфликтогенными противоречиями. Это общество обладает собственной оригинальной государственной организацией, учитывающей исторический опыт и национальные традиции присоединенных народов. Не менее важными для интеграции народов оказались прогрессирующие экономические взаимосвязи и взаимовлияния, а также культурное взаимодействие. Россия – самостоятельная локальная цивилизация, равноправная и равноценная по отношению к другим общепризнанным цивилизациям – западной, исламской, китайской. Единственное ее радикальное отличие – поликонфессиональность, традиционное сосуществование христианства и ислама. Именно на примере Российской Империи и СССР можно убедиться, что признак религиозной общности не является основополагающим при определении статуса особой цивилизации. Большинство населения страны исповедовало православие, что позволяло характеризовать Россию как страну преимущественно западной (христианской) цивилизации при игнорировании особой роль ислама и его приверженцев в российской истории, несмотря на развал Советского Союза и обретение независимости мусульманскими государствами Центральной Азии. Более того, конфессионально родственные российскому православию приверженцы ближневосточных церквей в Турции, Сирии, Палестине и Египте не могут быть причислены к носителям западно-христианской цивилизации. Исторически обусловленные особенности межэтнических отношений позволяют утверждать, что понятие «российская многонациональная цивилизация» имеет право на существование и охватывает самые разные сферы деятель-

ности людей – организация управления и законодательство, экономика и культура, межэтническое сближение и конфликты. Во всех этих областях обнаруживаются признаки интеграции в многонациональном государстве на протяжении XVI–XX вв. В истории каждого народа России, в его отношении с другими народами существовали специфические особенности, которые сложно объединить посредством общей для всех них хронологической шкалы.

Список литературы

1. Кононенко Б.И. Культура и цивилизация. – М., 1997.
2. Гобозова И.А. Вопросы цивилизации на страницах французского журнала «Commentaire» // Философия и общество. – 1997. – №5.
3. Моисеев Н.Н. Цивилизация на переломе. Пути России. – М., 1996.
4. Менджеричкий Г.А. Основные субъекты и формы межцивилизационного взаимодействия: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ростов н/Д, 1995.
5. Шпенглер О. Закат Европы. – М., 1993. – Т. 1.
6. Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия. – М., 1998.
7. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и исторические отношения славянского мира к германо-романскому. – СПб., 1995.
8. Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. – М.; СПб., 1996.
9. Барулин В.С. Социальная философия. – М., 1993. – Ч. 1.
10. Нагучев Д.М. Россия в мировом цивилизационном процессе. – Майкоп, 1998.
11. Бабушкин С.А. Теория цивилизации. – Курск, 1997.
12. Агафонов В.П. Русская цивилизация. – М., 1999.
13. Мчедлов М.П. Понятие цивилизации в марксистско-ленинской теории. – М., 1979.
14. Смирнов В.В. Место России в мировой цивилизации // Русская цивилизация: исторический феномен или миф? – М., 1998.
15. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Полис. – 1994. – №1.

16. Новикова Л.И. Идея цивилизации в «Методологии истории» В.О. Ключевского // Цивилизация: прошлое, настоящее и будущее человечества. – М., 1988.
17. Пьянзин Э.П. Взаимодействие культур в условиях современной цивилизации: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 1995.
18. Пастухов В.Б. Особенности взаимодействия элементов российской цивилизации // Цивилизационные исследования. – М., 1996.
19. Яковец Ю.В. История цивилизаций. – М., 1997.
20. Кобищанов Ю.М. О великих и малых цивилизациях // Цивилизация и исторический процесс. – М., 1883. – Ч. 5.
21. Современные теории цивилизаций. – М., 1995.
22. Василенко И.А. Диалог цивилизаций. – М., 1999.
23. Бондаренко Д.М. Теория цивилизаций и динамика исторического процесса в доколониальной тропической Африке. – М., 1997.
24. Abou S. L'identitir culturelle. Relations interethniques et problemes d'acculturation. – P., 1995.
25. Lahbabi M.A. Du clos a l'ouvert. Vingt propos des cultures nationaux et la civilization humaine. – Alger, 1971.
26. N'Diaye J.P. Elites agricanes et culture occidentale: assimilation ou resistance? – P., 1969.
27. Ментешашвили И.Ш. Соприкосновение цивилизаций Запада и Востока в период деятельности в Индии английского Ост-Индской компании. – Тбилиси, 1998.
28. Иконникова Н.К. Современные западные концепции межкультурной коммуникации: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1994.
29. Груздева В.В. Динамика человечества в контексте взаимодействия цивилизации и культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Нижний Новгород, 1997.
30. Ионов И.Н. Российская цивилизация. – М., 1998.

31. Васильева Н.А. К вопросу о взаимодействии западной и советской цивилизаций. – СПб., 1993.
32. Плетеников А.Ю. К вопросу об «особом» пути русской цивилизации // Русская цивилизация: исторический феномен или миф? – М., 1998.
33. Сенявский А.С. Цивилизационный подход в изучении российской истории XX века // Россия и мировая цивилизация. К 70-летию члена-корреспондента РАН А.Н. Сахарова. – М., 2000.
34. Голиков А.Г. К историографии проблемы российской цивилизации // Российская цивилизация: этнокультурные и духовные аспекты. – М., 1998.
35. Яковенко И.Г. Цивилизация и варварство в истории России // Общественные науки и современность. – 1995. – №6.
36. Платонов О.А. Русская цивилизация. – М., 1992.
37. Русско-славянская цивилизация: исторические истоки, современные геополитические проблемы, перспективы славянской взаимности. – М., 1998.
38. Николова В. Православната цивилизация. Според философско-историческа модел на Тойнби. – София, 1994.
39. Lahbabi M.A. Du clos a l'ouvert. Vingt propos des cultures nationales et la civilization humaine. – Alger, 1971. – P.153–161.
40. Трофимов В.К. Душа русской цивилизации. – Ижевск, 1998. – С. 129.
41. Патракова В.Ф. История человечества и русская цивилизация / В.Ф. Патракова, В.В. Черноус. – Ростов н/Д, 1995.
42. Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. – М., 1997.
43. Семенов С.И. Особенности политической культуры в пограничных цивилизациях как фактор прогресса или инволюции. – М., 1994.
44. Орлова И.Б. Евразийская цивилизация. Социально-историческая ретроспектива и перспектива. – М., 1998.
45. Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. – М., 1994.

46. Семенникова Л.И. Цивилизационные парадигмы в истории России // *Общественные науки и современность*. – 1996. – №5.
47. Ахиейзер А.С. Россия: критика исторического опыта: В 3 т. – М., 1991.
48. Флиер А.Я. Об исторической типологии российской цивилизации // *Цивилизации и культуры*. – М., 1994. – Вып. 1.
49. Гайдар Е.Т. Сочинения. – М., 1997. – Т. 1.
50. Dennes M. *Russie-Occident*. – P., 1991.
51. Toynbee A. *A study of history*. – L.; N. Y.; Toronto, 1961. – Vol. 12. – P. 6.
52. Артановский С.Н. На перекрестке идей и цивилизаций. – СПб., 1994.
53. Социальная и культурная дистанция: опыт многонациональной России. – М., 1998.
54. Кантор В. «...Есть евразийская держава». Россия: трудный путь к цивилизации. Исторические очерки. – М., 1997.
55. Федосова Э.П. Из истории российской государственности (шведский опыт) // *Россия и мировая цивилизация. К 70-летию члена-корреспондента РАН А.Н. Сахарова*. – М., 2000.
56. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. – М., 1998.
57. Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления. – М., 1998.
58. Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. – L., 1990.
59. Вишневский А. Высшая элита РКП (б)-ВКП(б)-КПСС (1917–1989): не много статистики // *Мир России*. – 1997. – №4. – Т. IV (16). – С. 41, 42.
60. Модели Э. Портрет изменяющейся элиты: члены ЦК КПСС с 1939 по 1990 год // *Политические процессы в условиях перестройки*. – М., 1991. – Вып. 2. – С. 16–32.
61. Хоскинг Дж. История Советского Союза: 1917–1991 гг. – М., 1994. – С. 441–442.

62. Bialer S. How Russians rule Russia // Problems of communism. – 1964. – №5. – P. 52.
63. Hill R.T., Rahr A. The general secretary, the central party secretariat and apparatus // Elites and political power in the USSR. – Cambridge, 1988. – P. 53.
64. Bialer S. Stalin's successors: Leadership, stability and change in the Soviet Union. – Cambridge e. a., 1980. – P. 224.
65. Bialer S. How Russians rule Russia. – P. 47.
66. Hough J.F., Fainsod M. How the Soviet Union is governed. – Cambridge (Mass.), 1979. – P. 516.
67. Полис. – 1994. – №1. – С. 57.
68. Weizsacker K.F. The ambivalence of progress. Essays on historical anthropology. – N. Y., 1988. – P. 46–47.
69. XXIV съезд КПСС: Стеногр. отчет. – М., 1972. – Т. 2.